

П О Э Э / и Я

Сергей Гэндлевский

СТИХОТВОРЕНИЯ

...

Сегодня дважды в ночь я видел сон,
Загадочный, по существу, один
И тот же. Так цензура сновидений,
Усердная, щедила мой покой.
На местности условно городской
Столкнулись две машины. Легковую
Тотчас перевернуло. Грузовик
Лишь занесло немного. Ветровое
Стекло его осыпалось на землю,
Осколки же земли не достигали,
И звона не случилось. Тишина
Вообще определяла обстановку.
Покорные реакции цепной,
Автомобили, красные троллеи,
Коверкая железо и людей,
На площадь вылетали, как и прежде,
Но площадь не рассталась с тишиной.
Два битюга /они везли повозку
С молочными бидонами/ порвали
Тугую упряжь и скакали прочь.
Меж тем из опрокинутых бидонов
Хлестало молоко, и желоба,
Стальные желоба троллейных рельсов,
Полны его. Но кровь была черна.
Оцепенев, я сам стоял поодаль
В испарине кошмара. Стихло все.
Вращаться продолжало колесо
Какой-то опрокинутой "Победы".
Спиною к телеграфному столбу
Сидела женщина. Её черты,
Казалось, были сызмальства знакомы
Душе моей. Но смертная печать
Видна уже была на лице женском.
И тишина.

Так в клубе деревенском
Кинемеханик вечно пьян. Динамик
Конечно отказал. И в темноте
Кромешной, зная себе, стрекочет старый

Проектор. В золотом его луче
Пылинки пляшут. Действие без звука.

Мой тяжкий сон, откуда эта мука?
Мне чудится, что мы у тех времен
Без устали скитаемся наощупь,
Когда под звук трубы на ту же площадь
Повалим валом с четырех сторон.
Кто скажет завершающее слово
Под сводами Последнего Суда,
Когда лиловым сумеркам Брюллова
Настанет срок разлиться навсегда?
Нас смоеет с полотняного экрана.
Динамики продует медный звон.
И лопнет высоко над головой
Пифагорейский воздух восьмигранный!

...

Чикиликанье галок в осеннем дворе,
И трезвон перемены в тринадцатой школе.
Росчерк ТУ-104 на чистой заре,
И клеймо на скамье "Хябибулин + Оля".
Если б я был не я, а другой человек,
Я бы там вечерами слонялся доньяне.
Все в разъезде. Ремонт. Ожидается снег.
Вот такое кино мне смотреть на чужбине.
Здесь помойные кошки какую-то дрянь
С возделением делают, такие-сякие.
Вот сейчас он должно быть закурит - и впрямь,
Не спеша закурил, я курил бы другие.
Хороша наша жизнь - напоит допьяна,
Карамелью снабдит, удивит каруселью,
Шеловлива, глумлива, гневлива, шумна -
Отшумит, не оставив рубля на похмелье...

Если так, перед тем, как уйти под откос,
Пробеги-ка рукой по знакомым октавам,
Наиграй мне по памяти этот наркоз,
Спой дворовую песню с припевом картavyм.
Спой, сыграй, расскажи о казенной Москве,
Где пускают метро в половине шестого,
Зачинают детей в госпитальной траве,
Троекратно целуют на Пасху Христову.
Если б я был не я, я бы там произнес
Интересную речь на зрене заката.
Вот такое кино мне смотреть наизнос
Много лет. Разве это плохая расплата?
Хябибулин выглядывает из окна
Поделиться избыточным опытом, крикнуть -
Спору нет, память мучает, но и она
Умирает - и к этому можно привыкнуть.

...

Молодость ходит со смертью в обнимку,
Ловит ушанкой небесную дымку,
Мышцу сердечную рвет впопыхах.
Взрослая жизнь кое-как научилась
Нервы беречь, говорить наловчилась
Прямолинейною прозой в стихах.

Осенью восьмидесятого года
В окна купейные сквозь непогоду
Мы обернулись на Курский вокзал.
Это мы ехали к Черному морю.
Хам проводник громыхал в коридоре,
Матом ругался, курить запрещал.

Белгород ночью, а поутру Харьков.
Просишь для сердца беды, а накаркав,
Локти кусаешь, огромной страной
Странствуешь, в четверть дыхания дышишь,
Спишь, цепенеешь, спросонок расслышишь —
Ухает в дамбу метровой волной.

Фото на память. Курортные позы.
В окнах веранды красуются розы.
Слева за дверью белеет кровать.
Снег очертил разноцветные горы.
Фрукты колотятся еземь и впору
Плакать и честное слово давать.

В четырехзначном году, умирая,
В городе N, барахло разбирая,
Выроню случаем и на ходу
Гляну — о, Господи, в Новом Афоне
Оля, Лаура, Кенжеев на фоне
Зелени в восьмидесятом году.

...

Светало поздно. Одеало
Сползало на пол. Сизый свет
Сквозь жалюзи мало-помалу
Скользил с предмета на предмет.
По мере шаткого скольженья
Раздвигая светотень,
Луч бил наискосок в "Оленью
охоту". Трепетный олень
Летел стремглав. Охотник пылкий
Облокотился на приклад.
Свет трогал тусклые бутылки
И лиловатый виноград
Вчерашней трапезы, колоду
Игральных карт и кожуру
Граната, в зеркале комода
Чертил зигзаги. По двору
Плыл пьяный запах — гнали чачу.
Индюк барахтался в пыли.
Пошли слоняться наудачу,
Куда глаза глядят пошли.
Вскрабкивайся на холм соседний,
Увидишь с этой высоты,
Что ночью первый снег осенний
Одел далекие хребты.
На пасмурном булыжном пляже
Откроешь пачку сигарет.
Есть в этом мусорном пейзаже
Какой-то тягостный секрет.
Газета, сломанные грабли,
Заржавленные якоря.
Позеленели и озябли
Косые волны октября.
Наверняка по краю шири
Вдоль горизонта серых вод
Пройдет без четверти четыре
Экскурсионный теплоход
Сухум-Батум с заходом в Поти.

Он служит много лет подряд,
И чайки в бреющем полете
Над ним горлелят и перят.
Я плывал этим теплоходом.
Он переполнен, даже трюм
Битком набит курортным сбродом:
Попойка, сутолока, шум.
Там нерасхват плохое пиво,
Диск Бони М, духи "Кармен".
На верхней палубе лениво
Господствует нацмен-бармен.
Он "чита-брита" напевает,
Глаза блудливые косит,
Он наливает, как играет,
Над головой его висит
Генералиссимус, в рядом
В овальной рамке из фольги,
Синия вышколенным взглядом,
С немецкой розовой ноги
Красавица капрон спускает.
Пьют и пьют на все лады,
А за винтом, шипя, сверкает
Живая изморось воды.
Сойди с двенадцати ступенек
За беготом в похмельный трюм.
Печали много, мало денег —
В иллюминаторе Батум.
На пристани, дыша сивухой,
Поможет в поисках жилья
Железнодорожная старуха —
Такою будет смерть моя.
Давай вставай, пошли без цели
Сквозь ежевику пустыря.
Озябли и позеленели
Косые волны октября.
Включали свет. Темнело рано.
Мой незадачливый стрелок
Дремал над спинкою дивана,
Олень летел, не чуя ног.

Вот так и жить. Тянуть боржоми,
Махнуть рукой на календарь.
Все участи приемлю кроме...
Но это, как писали встарь,
Предмет особого рассказа.
Мне снится тихое село
Неподалеку от Кавказа
Доселе в памяти светло.

...

В начале декабря, когда природе снится
Осенний ледоход, кунсткамера зимы,
Мне в голову пришло немного полечиться
В больнице № 3, что около тюрьмы.
Больные всех сортов — нас было девяносто —
Канканом вещей снов изрядно смущены,
Бродили парами в пижамах не по росту
Овальным двориком Матросской Тишины.

И день-деньской этаж топтался, точно рынок,
Подъем, прогулка, сон, мытье полов, отбой.
Я помню тихий холл, аквариум без рыбок —
Сор памяти моей не вымести метлой.
Плешивый балагур, лечившийся здесь прежде,
Железкой отворял запоры изнутри.
С тех пор я уходил в бега в чужой одежде,
Но возвращался спать в больницу № 3.

Вот повод для стихов с туманной подоплекой.
О жизни взвепerti, шлифующей ключи
От собственной тюрьмы. О жизни, одинокой
Вне собственной тюрьмы... Учитель, не учи.
Бог с этой мудростью, мой призрачный читатель!
Скорбь тайную мою вовеки не сведу
За здорово живешь под общий знаменатель
Игривых общих мест. Я прыгал на ходу

В трамвай. Шел мокрый снег. Соправданные качали
Трамвайные права. Вверху на все лады
Невидимый тапер на дедовском рояле
Озвучивал кино надежды и нужды.
Так что же: звукоряд, который еле слышу,
Традиционный бред поэтов и калек,
Или аттракцион — бегут ручные мыши
В игрушечный вагон — и валит серый снег.

Печальный был декабрь. Куда я ни стучелся
С предчувствием моим, мне верили с трудом.
Да будет ли конец — роптала кровь. Кончался
Мой бедный карнавал. Поре и в желтый дом.
Когда я засыпал, больничная палата
Впускала снегопад, оцепенелый лес,
Вокзал в провинции, окружность циферблата —
Смеркается. Мне ждать, в времени в обрез.

...

Самсуд неожиданной зрелости.
Это зрелище средней руки
Лишено общепризнанной прелести —
Выйти на берег тихой реки,
Рефлектируя в рифму. Молчание
Речь мою караулит давно.
Бархударов, Крючков и компания,
Разве это нам свыше дано!

Есть обычай у русской поэзии
С отвращением бить зеркала
Или прятать кухонное лезвие
В ящик письменного стола.
Дядя, в шляпе, испачканной голубем,
Отразился в трофейном трюмо.
Не мори меня творческим голодом,
Так оно получилось само.

Было вроде кораблика, ялика,
Воробья на пустом гамаке.
Это облако? Нет, это яблоко,
Это взбук в женской руке.
Это взбучной нежности навыки,
Скрип уключин по дачным прудам.
Лижит ссадину, просится на руки —
Я тебя никому не отдам!

Стало барщиной, ревностью, мукою,
Расплескался по капле мотив.
Всухомятку мычу и мяукаю,
Пятернями башку обхватив.
Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонера с шутом?

Для чего моя музыка зыбкая,
Объясни мне, когда я умру,
Ты сидела с недоброй улыбкою
На одном бесконечном пиру
И морочила сонного отрока,
Скатерть праздничную теребя?
Это яблоко? Нет, это облако.
И пощады не жду от тебя!

...

Картина мира, милая уму: писатель сочиняет про Муму; шоферы колесят по всей земле со Сталиным на лобовом стекле; любимец телевиденья чабан кастрирует козла во весь экран; зная, играючи, шутя, мать пестует щекастое дитя. Сдается мне, согражданам не лень усердствовать. В трудах проходит день, а к полночи созреет и аккуратно мажорный гимн, как некий виноград.

Бог в помощь всем. Но мой физкультпривет писателю. Писатель /он поэт/, несносных наблюдений виртуоз, сквозь окна видит бледный лес берез, вникая в смысл житейских передраг, причуд, коллизий. Вроде бы пустяк, по имени хендра, и во врачах нет неудобности, но и в мелочах видна утечка жизни. Невзначай он адрес свой забудет или чай на рукопись прольет, то вообще купует галстук бархатный в борще. Смех да и только. Выпал первый снег. На улице какой-то человек, срывая голос, битых два часа отчитывал нашкодившего пса.

Писатель принимается писать. Давно ль он умудрился променять объем на вакуум, проточный звук на паузу? Жизнь валится из рук безделкою, безделицею в щель, внезапно перейдя в разряд вещей, еще душемутительных, уже музейных, как-то: баночка драже с истекшим сроком годности, альбом колониальных мерок в голубом налете пыли, шелковый шнурок...

В романе Достоевского "Игрок" описан странный случай. Гувернер влюбился не на шутку, но позор безденежья преследует его. Добро бы лишь его, но существо небесное, предмет любви — и та надела долгов. О, нищета! Спасая положение, наш герой сперва, как Герман, вчуже за игрой в рулетку наблюдал, но вот и он выигрывает сдуру миллион. Итак жениться? — Дудки. Грозный пыл объемлет бедолагу. Он забыл про барышню, ему предрешиено в испарине толкаться в казино. Лишения, долги, потом тюрьма. "Ужели я тогда сошел с ума?" — себя и опечаленных друзей резонно вопрошает Алексей Иванович. А на кого пенять?

Давно ль мы умудрились променять простосердечье, женскую любовь на эти пять похвальных рифм: свекровь, кровь, бровь, морковь и вновь! И вновь поэт включает за полночь настольный свет, по комнате описывает круг. Тонехонько и нужен верный друг. Таким была бы проза. Дай-то Бог. На весь поселок брешет кабыздох. Поэт глядит в хо-

лодное окно. Гармония, как это не смешно, вот цель его, точнее идеал. Что выиграл он, что он проиграл? Но это разве в картах и лото есть выигрыш и проигрыш. Ни то изящные материи ни се. Скорее розыгрыш. И это все? Еще не все. Ценить свою беду, найти вверху любимую звезду, испарину труда стереть со лба и сообщить кому-то: "Не судьба".